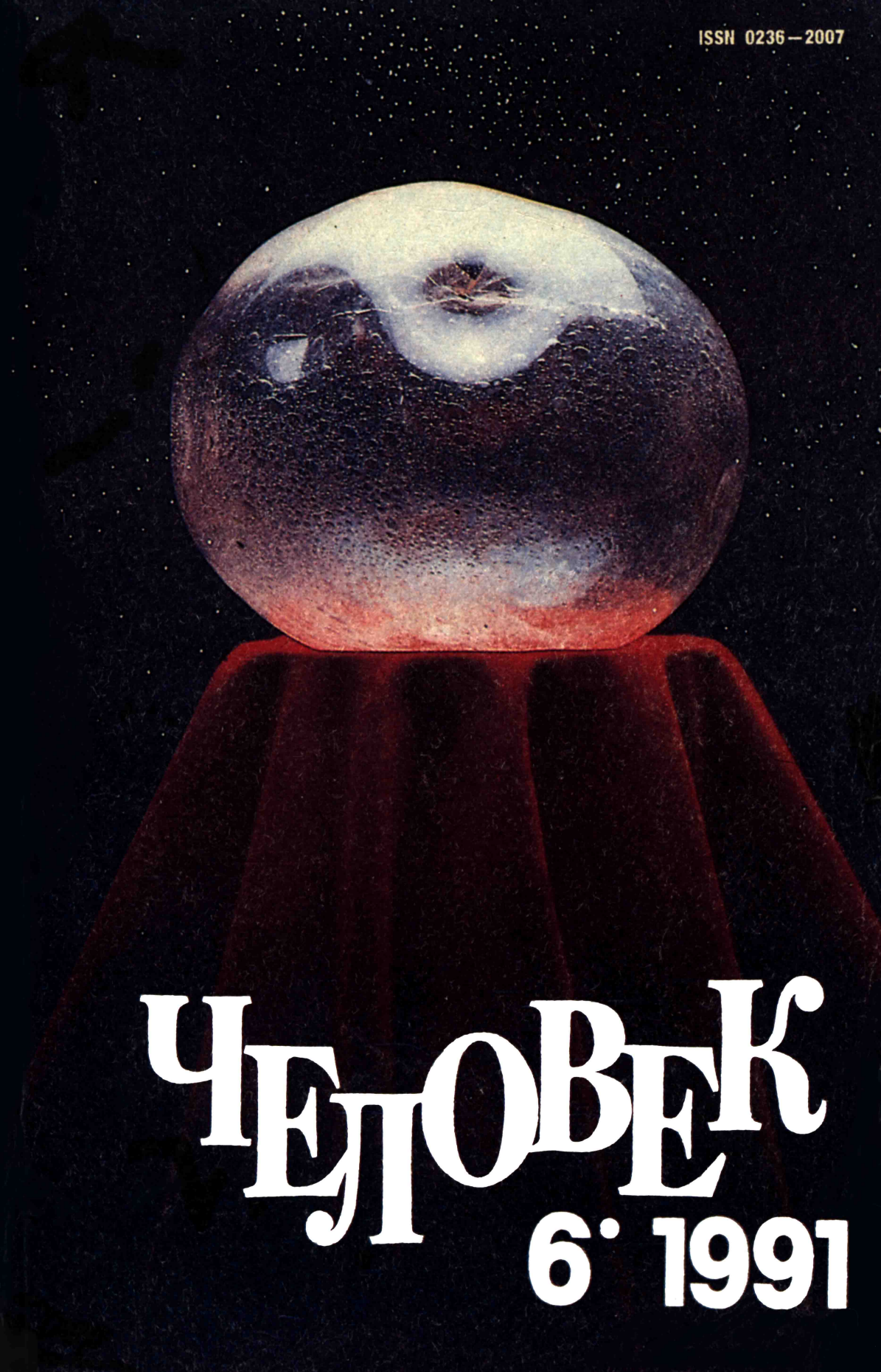
ISSN 0236–2007



ЧЕЛОВЕК

6 · 1991

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

ФОНОГРАФ

Н. В. Тимофеев-Ресовский дома во время беседы. Обнинск. 1974 г.

ПЕРВЫЕ ДНИ В БЕРЛИНЕ

Сегодня я вам расскажу часть из того, чем занимался и как жил за границей, где я прожил довольно долго и побывал в самых разных странах. Для простоты всегда отвечаю: «В Европе не был в Португалии, во всех прочих странах, включая микространы, был».

С 23 или 24 года в Москву время от времени приезжал О. Фогт, знаменитый невропатолог, невролог и мозговик, создавший учение об архитектонике полушарий большого мозга. Он сперва принимал участие в лечении Ленина, потом, после смерти Ленина, возник вопрос об изучении мозга Ленина. Для этого было решено в Москве мозговой институт специальный устроить, который должен был и другими проблемами изучения мозга заниматься, но, в основном, там должен был храниться, препарироваться и изучаться мозг Ленина.
И вот после смерти Ленина в 25 году Фогт снова приехал в Москву и попросил Кольцова и Семашко порекомендовать ему русского генетика, по возможности молодого, но все-таки более или менее сформировавшегося. Он собирался у себя в Кайзер Вильгельм институте в Берлине организовать лабораторию, а потом, может быть, целый отдел генетический, так как интересовался рядом генетических проблем, связанных с мозгами всяческими, с высшей нервной деятельностью. Фогт был крупным специалистом по шмелям, по систематике шмелей и, в частности, по их изменчивости, которая очень сложна, очень интересна, очень обширна. У Фогта была крупнейшая тогда в мире коллекция шмелей. И он хотел к изменчивости, в особенности географической изменчивости шмелей как-то подойти и с современной генетической точки зрения. А в Германии подходящего генетика в то время не было.

Продолжение. Начало в №№ 2—5, 1991.

Е. А. Тимофеева-Ресовская. Первые годы в Германии.

© Научной библиотеки МГУ

В 24, 25 году молодых генетиков вообще не было. Несколько человек подросли, так сказать, и сформировались на два-три года позже. А все более или менее известные генетики были уже пристроены, и Фогту в качестве организаторов небольшой лаборатории, конечно, не подходили.

Семашко со своей стороны обратился к Кольцову, так как знал, что у него уже организована генетическая лаборатория, которая прекрасно работает на двух биологических станциях института, о которых я вкратце в прошлый раз говорил. Кольцов почему-то выбрал меня. Ну, почему? Наверное, потому что, из своего поколения я тогда был, пожалуй, наиболее самостоятельный уже молодой человек. У меня было пять работок: четыре небольших и одна большая, напечатанные или в печати уже. Затем, я вполне прилично знал иностранные языки, а немецкий язык совсем хорошо знал, немецкий и французский. Английский похуже. Но в Германии на первых порах английский был ни к чему. Достаточно было французского и, в особенности, немецкого: немцы привыкли разговаривать по-немецки. Вот все это, наверное, и заставило наметить меня в качестве такого рекомендованного русского сотрудника для немецкого фогтовского института в Берлине.

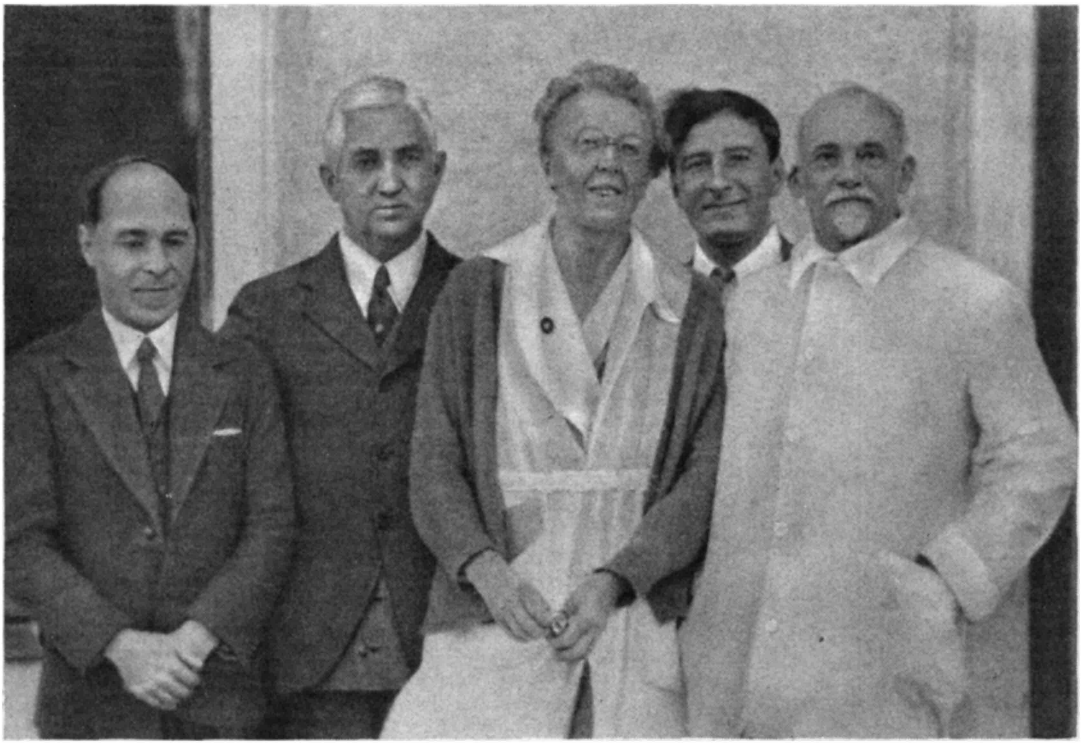
Я сперва сопротивлялся. Мы с Еленой Александровной жили мирно, но довольно подвижно в Москве с окрестностями, мотались по гидробиологическим экспедициям, работали с дрозофилой, родили (преимущественно жена, моя, конечно) сына старшего, названного Дмитрием, но прозванного почему-то (я уж не помню почему) Фомкой. Так он до самой смерти Фомкой и остался. Который потом, об этом я упомяну, погиб в нацистском лагере в Германии. Вот. Нам неохота было ехать в Европу. Елене Александровне моей ну просто совсем, по-видимому из-за консерватизма, но в основном потому, что она очень была довольна жизнью здесь. А мне еще потому, что я заграницу знал с детства очень хорошо. Я с родителями по заграницам этим таскался каждый год в качестве старшего из своего поколения. Так что я уже по всей Европе поездил, все достопримечательности европейские, североамериканские, средиземноморские и т. д. знал. Так что меня не тянуло на басурман как таковых. Бог с ними!

И кроме того, у меня тут начались все разрастающиеся экспериментальные дела. Увлекся я возможностью, как уже говорил, воссоединения классического эволюционного учения, дарвинизма, с современной генетикой, затем с биогеографией и с биоценологией. Одним словом, всякие такие общие идеи бродили. Мне резонно казалось (я и до сих пор в этом убежден), что для развития этих дисциплин лучшего и наиболее подходящего места, чем наше обширное отечество, нет на свете. Да и люди тогда у нас были подходящие по своим интересам, по своему образованию. Так что меня тоже не тянуло за границу. Но меня уломали Кольцов и Семашко главным образом тем аргументом, что обычно, перед революцией, да и теперь, когда начала налаживаться связь русской науки с заграницей, русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу. А меня приглашают не учиться, а наоборот учить немцев. Это случай такой выдающийся, и Кольцов и Семашко меня уговорили. И, я уж забыл, кажется, это было в начале июля, решено было нам ехать.

Ну, тут, конечно, не обошлось без некоторых таких комических штук. Мне Фогт предложил оплатить мой переезд в Германию. Я же был настроен барственно. Эта барственность, особливо финансовая, во мне сохранилась и до сих пор. Даже когда у меня уже денег и нет никаких, израсходовались все, я все же стараюсь жить барственно. Так я, конечно, отказался. С какой стати немцы мне будут дорогу оплачивать. Я сам с усам и оплачу себе в лучшем виде дорогу и без них. На черта они мне нужны! Раз я переезжаю туда работать, жалованьишко они мне будут там платить, а не тут. Так? Вот. Значит, отказался.

Фогт предложил, что он кого-то там из своих сотрудников помоложе настропалит подыскать нам поначалу меблированную квартирку в Берлине и т. д. От этого тоже я отказался, гордо заявив, что в Берлине, так же как и в других столичных городах, у нас с Еленой Александровной есть достаточно знакомых, приятелей, даже родственников, которые нам это все оборудуют. Одним словом, достаточно снисходительно, но с благодарностью отказался от всяких басурманских «помочей».

Это потом нам, конечно, в копеечку влетело. Чтобы барственно переехать всем, хоть и маленьким семейством в Берлин, оказалось, что нужно для начала одеться и обуться. У жены еще нашлись какие-то старые перешитые платья ее старших сестер, матери. У меня же к тому времени были бывшие когда-то синими, очень старые казацкие полугалифе. И затем так называемые «танки». Когда-то я в гражданскую войну отбил у белых пару английских военных сапог.



Первый справа О. Фогт, далее Н. В. Тимофеев-Ресовский, С. Фогт, слева — Г. Мёллер. Снимок сделан между 1936 и 1940 годами.

То есть не сапоги в нашем смысле слова, а до самого колена такие башмаки, шнурующиеся, но без разреза, а со складкой, поэтому, хотя они шнуровались, можно было как в сапогах по воде ходить. Вода и грязь не пролезали внутрь. Они назывались «танки».

Танки тогда только появились на свете. И вот в честь сего оружия и эти башмаки, которыми человека вполне можно было убить, взявши такой сапог в руку и стукнув по башке, назывались тоже «танками». Я их оборудовал железными подковками, потому что надеялся, что они мне аж до самой смерти прослужат. Один тверской сапожник, когда я работал после революции в Тверской губернии в одном из первых совхозов, мне не железными даже, а стальными гвоздями подошвы все оббил, так что им не предвиделось и сносу. А подлатывать, чистить в Москве я доставал касторку. Сперва, в голод, на касторке мы жарили картошку, а касторка, как известно, в пережаренном виде теряет свои медицинские свойства и становится великолепным жиром, на котором можно жарить картошку или еще что-нибудь и есть с удовольствием, по тем временам.

Были у меня еще довольно приличные остатки гимнастерки защитной. А остальное было все самодельное, послереволюционное. Из какой-то старой Лелькиной юбки мне были штанцы сшиты, именно штанцы. А юбка была так называемая посконная. Посконная ткань — это ведь замечательная ткань, холстина такая деревенская в полоску. Вот у меня были такие посконные порты. Затем были штанцы совершенно неправдоподобные, неизвестно из чего и когда они были сделаны. И затем несколько рубах русских было.

Я уже говорил, что мы на станцию уезжали в половину мая и возвращались в начале октября. Значит, вот эту сравнительно теплую половину года я проводил честно босиком, потому что на вольном воздухе и вне пределов Москвы и научных институтов ни к чему было обуваться: одно разорение, а не удовольствие. А зимой во время революции и после оказались совсем не бесполезны божьи старушки, такие божьи одуванчики. Им жрать нужно было, и они выдумали себе ремесло: из всяких обрезков, как бумажных (бумажных в смысле материи, а не бумаги писчей), так и шерстяных они сшивали такие длинные узенькие ленточки. А из этих ленточек плели лапотки. И вниз, на подошву, тогда можно было найти, на Смоленском рынке например, шпагаты, мотки шпагатов, и из шпагата, из веревок, плели опять-таки подметки. И получались такие лапти на веревочных подметках. Совершенно замечательная обувь: удобная, она расползалась по ноге, даже не надо было очень уж точно подбирать величину. И ноги не мерзнут.

Но ехать таким образом за границу, сами понимаете, нельзя было. По достоверным сведениям, у нас имевшимся уже, за границей люди жили так же, как мы до всяких революций и гражданских войн, то есть интеллигенция живет интеллигентно, одевается в интеллигентскую одежу, брючки всякие, штучки, пиджачки и прочее носят. Значит, возник вопрос. Лельке проще, потому что ей было сшито опять-таки из каких-то старых платьев старших сестер, мамаши и двух теток так называемые парадные платья. Это все потом оказалось ненужным багажом, все оказалось не по моде, и чрезвычайно смешно выглядело за границей.

А мне-то хоть что-нибудь надо было. Поэтому мне Лелька приобрела на Смоленском рынке серую рубашку с отложным воротничком и галстук, плетеный из чего-то. Ужасная штука была! Затем приобретены были двое трусов за очень большую цену на Смоленском же рынке, и был найден портной, который согласился из какого-то огромного старого плаща одного Лелькиного дядюшки сшить мне костюм: тройку пиджачную, даже с жилеткой. Все точно промерил, немножко ежели куда-то что-то из другого места подставить, то получался как раз пиджак, брюки и жилетка. За приличную сумму это было сделано. Правда, очень быстро, еще по дороге в Германию оказалось, что материал непригодный совершенно для костюмчиков, потому что на локтях и на коленях такие шары образуются. Растягивается материал, и сколь его не гладь, все равно получается нехорошо. Но это черт с ним. Во всяком случае, брюки и пиджак был. Были приобретены какие-то полуботинки на шнурках. Я очень опасался, что по дороге шнурки лопнут, поэтому на этом же Смоленском рынке были куплены еще две пары шнурков к этим башмакам. Таким образом мы, в общем, снарядились. Залезли в долги, что-то полтысячи рублей задолжали... червонцы и вообще советские деньги тогда были лучше долларов. Мы, приехав за границу, в первой же обменной кассе поменяли червонец на 22 марки, а даже до революции он 20 марок стоил.

Затем мы приобрели билеты до Берлина, сели в поезд. За несколько дней до отъезда и Семашко, и мы с Лелькой были приглашены к Кольцовым, и нам всякие напутствия были. Между прочим, все наши начальники: и Кольцовы Николай Константинович с Марией Полиевктовной, и Семашко Николай Александрович нам сказали: «Нечего крохоборствовать, поезжайте мягким вторым классом». Тогда не было первого класса, второго и третьего, а был мягкий и жесткий. Ну, в общем, так же, как и сейчас. Так вот: «...поезжайте мягким классом и берите три билета. Тогда в купе останется одно только пустое верхнее место. Сговоритесь с проводником, чтобы никого не пускали. Может вас еще встречать будут из фогтовского института, так что приезжайте как следует, чтобы не ронять нашего социалистического достоинства». Вот мы, не уронив социалистического достоинства, и приехали в Берлин.

В Риге у нас была пересадка. К тому времени латыши уже сделали себе европейскую, узкую колею. В Риге у нас был целый день. Мы погуляли, с большим удовольствием поели мороженого, еще каких-то купили шоколадок, конфет, всяких таких вещей, которых у нас тогда было мало еще. Затем попили с величайшим удовольствием в кафе кофею со сбитыми сливками и с какими-то пирожными. Одним словом, шик и блеск. Сели как раз в обеденное время, за границей поздно обедают, в поезд, который нас в Европу повез, в вагон-ресторан пошли, пообедали. У меня еще не пузырились коленки, была выглажена еще такая «изячная» тройка, на Лельке было какое-то платье продольно-полосатое. Ничего. Так посматривали европейцы немножко. Европейцы вежливые, они очень вежливо смотрели. Фомка не очень безобразничал, даже совсем не безобразничал. На него, видно, тоже эта Европа подействовала. Притих. А вообще был бурен невероятно.

Доехали мы до Берлина, и тут с нами, конечно, приключилась неприятность. Я-то позабыл с прежних времен, гимназических, что в Берлине с востока на запад... пять вокзалов такой цепочкой. Нам нужно было на предпоследнем, западном, вокзале Zoo вылезать. А главным вокзалом считается Фридрихштрассе, средний вокзал. И мы решили вылезать на главном вокзале. А нас действительно приехали встречать: Лелькин отдаленный свойственник Ферейн, у которого мы должны были остановиться на первое время, кто-то из моих старых друзей, и два молодых человека из фогтовского института. И все они, естественно, приехали на Bahnhofzoo, от которого рукой подать до всех западных частей Берлина, где мы и должны были проживать. Вылезли мы на Фридрихштрассе — никто нас не встречает. Вышли, взяли носильщика и пошли сперва пожрать в ресторан. Решили: что будет там с нами, еще не известно, а деньги пока у нас

есть еще, поедим в ресторации хорошей пищи. Пообедали, а потом решили по адресу Ферейнов ехать к ним.

Выходим из вокзала. Вокруг только таксишки. А у нас-то представление, что на автомобилях только миллионеры ездят. Нам не по карману на автомобиле-то ехать. И стал я искать извозчика. И нашел. Сбоку, у вокзала, стояло около дюжины извозчиков. Одного из них я нанял, страшно обрадовался, тоже с таксометром таким. Я не знал, что уже в течение ряда лет в Берлине остались считанные извозчики, которые знатных иностранцев, интуристов по-нашему, возили по Тиргартену и по Унтер-ден-Линден, по большим улицам и паркам берлинским гулять, а никуда отсюдова досюдова на извозчиках никто не ездил. Это страшно дорого. Раза в три дороже было, чем таксишки, и раз в десять дольше, потому что Берлин очень просторный город и огромный по площади. Но мы взгромоздились на этого извозчика очень удобно. Так как я бегло говорил по-немецки, он очень обрадовался. Когда узнал, что мы русские, еще больше обрадовался и говорит: «Вы прямо из Москвы, из советской Москвы? И живы-здоровы?» «Да,— говорю,— ничего, живы, черта нам сделается. На то мы и русские».— «Ну, вот замечательно. Раньше у нас русские самые выгодные были иностранцы. Потом не было русских у нас совсем. А вот теперь, видите, оказывается, появляются». Всю дорогу мы трепались, ехали целый час до Ферейна. Наконец, приехали. Возбудили всеобщий смех, когда в Западном Берлине около их дома остановился извозчик, на живой лошади, в цилиндре, извозчичий кнут у него воткнут, все чин-чином.

Одним словом, мы там поселились. И тут-то вначале начались, конечно, всякие страсти-мордасти. Ну, во-первых, не по дням, а по часам образовывались мешки на коленках, на локтях, потому что оказалось, что это очень хороший, дорогой был материал для плаща, плотный, немецкий, кстати, но совершенно непригодный для костюмчика. Поэтому мне понадобилось заводить костюмчик, а денежки-то у нас более или менее того... кончаться начали. Затем оказалось, что галстук, приобретенный на Смоленском рынке, совершенно непригоден для какого-то ни было приличного окружения. Серые мои рубашки пригодились мне через много лет, когда мы в Бух переехали, и там летом я в них без всяких галстуков ходил.

Кроме того, через два дня после нас в фогтовский институт приехали два знатных американца: какой-то анатом знаменитый и крупный миллионер, его приятель. Я уже был в институте, меня демонстрировали, конечно, особо, к качестве зулуса что ли: вот русский, совершенно живой, настоящий из советской Москвы. Ну, американцам страшно я понравился, действительно, живой, вполне здоровый. Я тогда мог, как говорится по-русски: «Как тресну ему по башке — дух вон и лапти кверху!»

Вечером эти два американца, очень знаменитые и страшно богатые, пригласили весь научный состав института в лучший, самый шикарный берлинский ресторан «Эспланада». А у меня-то этот костюмчик уже с пузырями. Ну, Лелька приобрела мне какую-то белую рубашку с накладной, вставной грудью, значит, для дешевизны. Рубашка из черт знает чего сделана, а тут какой-то приличный фронтон. Затем пристяжные мягкие отложные воротнички две штуки купила и галстук, за который заплатили 75 пфеннигов. Потом я выяснил рассмотрением витрин магазинных, что это самые дешевые галстуки, которые существовали тогда в берлинской природе. Мало-мало приличный галстук стоил два с полтиной.

Потом я был обряжен в простыню, а Ферейны отнесли мой костюмчик в американскую гладильню, чистку. И через час принесли в довольно приличном виде: свежеразутюженный. Теперь Лелька какие-то запонки столь дешевые купила, что они не закрывались, не держали воротничок и манжеты для рубашки. И поэтому воротничок и манжеты как-то там белыми ниточками одна из сестер Ферейнов на мне пришила, чтобы не сваливалось, у своего братца нашли запонки для меня... Да, и сбегали все-таки, за два с полтиной какой-то приличный галстук купили. Башмаки просто у меня были новые, московские. Заграничным кремом сапожным я их вычистил. Одним словом, отправился.

Пришел в «Эспланаду». Я совершенно отвык от хороших ресторанов, от всяких таких мест, поэтому сперва не сразу нашел, значит, зал отдельный. Но язык до Киева доведет. Спрашиваю, где тут американцы обед дают. Меня через какую-то пустую залу подвели к закрытым дверям, перед которыми полдюжины или десяток джентльменов во фраках стояли и о чем-то разговаривали. Я решил, что это ихние гости, стал здороваться. А это оказались официанты. Вот я, значит, со всеми официантами за ручку поздоровался. Они страшно удивились, но когда узнали, что я только что из Москвы, сразу все обрадовались: «А! Вы

есть большевик!» Я говорю: «Да-да-да, вот из этих самых, которых... большевики-то. Человек еще дикий».— «А почему Вы так хорошо по-немецки...?» — «Ну,— я говорю,— это еще осталось у меня с тех времен, когда я не был большевиком, а просто русским был. А теперь у нас русские со всеми смешались, у нас двунадесять языков и, вообще, басурмане всякие, так что мы сейчас тоже стали полудикие. Ну, так могу еще... Вы как, по-французски можете?». Оказалось, что двое или трое по-французски говорят. Ну, я с ними по-французски поговорил. Но потом: «Что ж, проходите, раз Вас пригласили». Я вошел. Американцы очень обрадовались, так как Фогт почти не говорил по-английски, а только по-французски, а американцы кроме как по-английски ни на каком языке, конечно, не говорили. Меня посадили промеж двух каких-то дам молоденьких и приятных, которые были дамами американцев, для поддержания «аглицкого разговора». Тогда по-английски никто не говорил. Французский — да, а по-английски... какой дурак по-английски квакать будет, неприлично было даже. И обедали мы, обедали, трепались. Вот это первое было мое заграничное происшествие.

Второе происшествие было такое. Опять с одёжей. Тут мне из последних денег, вернее, из первых, уже немецких денег, еще до того, как мы начали расплачиваться с долгами, Лелька приобрела костюмчик. Надо сказать, в Германии одёжа-то была недорогая. Самые дорогие готовые мужские костюмы, кажется, стоили примерно 105 марок. Вот потом уже, ставши богатым, я ездил по заграницам, покупал себе 105-марковый костюм. А тогда мне был куплен какой-то хороший костюм, не самый дорогой и самый модный, а за 80 или 85 марок. Очень хороший костюм. Одет я был прилично, и бельишко мне купили, полужесткие воротнички... Тогда появились такие воротнички, которые не мнутся. И несколько пар запонок, гребенку приобрели и башмаки системы «саламандр». Причем опять-таки башмаки, вполне приличные, самые дешевые стоили четыре с полтиной, по-моему, два двадцать, значит, на русский язык. А самые дорогие готовые стоили 16 с полтиной. Так что дешевка была, в общем. Ну, и мне с самого начала было велено покупать себе дорогие башмаки, что было выгоднее и приличнее. Вскоре я убедился в правильности английской поговорки: «Мы не так богаты, чтобы покупать дешевку». Действительно, это были хорошие вещи куплены. Значит, я был одет, обут прилично. У меня появилось сперва летнее пальто, а к зиме такое осеннее, драповое пальто купили. Я и тут-то никогда зимнего пальто не имел, не ношу, в Москве, а там в Германии...

Но в один прекрасный день оказалось, что мне в качестве нового научного сотрудника Кайзер Вильгельм института нужно явиться с визитом в Kaiser Wilhelm Gesellschaft * в президиум, представиться президенту, знаменитому старцу фон Харноку, президенту Kaiser Wilhelm Gesellschaft, а он был эллинист по профессии, то есть эллинской культурой занимался, древними греками и прочее. Знаменитый классик, основатель Kaiser Wilhelm Gesellschaft. А за границей днем в официальных случаях положена визитка. Тутошний народ, наверное, никогда и не видел визиток. Это вроде пальто, но только покороче немножко, но длинное черное такое, с шелковыми отворотами. Сюртук — официальная полупарадная мужская одежа была когда-то. А визитка короче сюртука, не такое двуполое, как сюртук и со скошенными назад хвостами. Визитка может быть либо цвета маренго, того цвета, какого был мундир Наполеона в битве у Маренго — темно-серого. Либо визитка черная, а штанцы продольно-полосатые. Это обычная штука. Визитка маренго — такой шик особый.

У меня никакой визитки не было. А мне был назначен определенный день приема, когда он меня примет, президент. Визитки же хорошие не продавались готовыми. Заказывать поздно уже было. Но тут выручил меня знаменитый гистолог и гистопатолог Бейшовский. Он заведовал гистопатологическим отделом в фогтовском институте. Они вместе с Фогтом меня как-то вызвали к себе, в фогтовский кабинет, стали страшно извиняться: «Вам вот надо представляться президенту. Конечно, Вы можете пойти в пиджаке: Вы иностранец. Но полагается в визитке. А визитка — вещь дорогая, сразу ее не сошьешь, а покупные все дрянь. А у Бейшовского есть практически не надеванная визитка, которой 15 лет, тогда у него брюшка не было, как раз на Вас». А по росту мы с ним одинаковые, с Бейшовским. «Бейшовский очень просит Вас принять эту визитку на такие случаи. Вам она тут, за границей, может, еще в жизни раз пять понадобится. А у него другая есть». И это оказалась визитка маренго, самая, так сказать, дорогая, шикарная визитка.

Одним словом, по всей форме меня нарядили, и отправился я к Харноку.

* Общество Кайзера Вильгельма.— *Ред.*

Старик оказался совершенная душка! И заговорил со мной по-русски. Он, оказывается, из прибалтийцев, из балтийских немцев, кончил университет в Юрьеве, Тарту по-теперешнему, по-немецки Дерпт. Так что, вместо положенных десяти минут аудиенции я у него просидел целый час, он меня угощал, конечно, кофием, как за границей положено. Пили мы с ним кофе и трепались по-русски обо всем. Он говорит: «Я бы не пережил... Вы, я вижу, хорошо пережили революцию». Я говорю: «Ничего. Более или менее здоров и понимаю, что к чему. Так можно пережить и две революции». Но тогда-то я не знал, что революцию пережить — это каждый дурак может, а вот сталинизм пережить — это гораздо труднее.

Это было второе событие существенное. Всего бывает три всяких события. Вот третьим событием было то, что мы поселились в меблированной квартире в Штеглице, южном предместье Берлина. Не совсем предместье, но, в общем, не центр Берлина, зеленая такая местность. Берлин, вообще, очень зеленый город. Там масса парков. В каждом районе Берлина свой Stadtpark, городской парк. Обыкновенно большой, типично немецкий, аккуратный, который каждый день подметался, все соринки убирались специальными сторожами, каждый год наново красились скамейки в зеленый цвет, причем по-немецки: зеленая скамейка стоит, и белой краской на ней написано: Sitzbank — «скамейка для сидения», чтобы не перепутали с комодом, не дай Бог! И вот в Штеглице, как и во всяком районе Берлина, свой маленький базарчик, рынок такой. Вечером, вернее, в послеобеденное время, часов с пяти, там начинается парк культуры и отдыха, так сказать: всякие шатры или шатровые домики, в которых различные эстрадочки, где танцы, какая-нибудь музыка, еще что-нибудь, небольшие выставки и, конечно, есть Sportbude — такой небольшой цирк, где борьба и бокс происходит, профессиональный, конечно. И вот я повадился в нашу штеглицовую Sportbude ходить. Для этого мне оказалось выгодным Лелькино незнание и незаинтересованность в коммуникациях.

Из новой нашей квартиры совершенно по прямой линии от нашего дома до института ходило несколько трамваев. Я же от Ферейнов ездил под углом, с пересадкой, на двух трамваях. И получал от Лельки, по серости ее, на два трамвайных билета. Вместо этого я бегом бежал по этим большим улицам, бегом добегал даже быстрее, чем на трамвае, и экономил на дороге 30 пфеннигов. Мне Лелька выдавала каждый день 60 пфеннигов. Представляете себе? А в Sportbude один тур стоил гривенник. Я на шесть туров экономил. 60 пфеннигов в день имел заработка собственными ногами. И я более полугода каждый вечер ходил у нас в Штеглице в Sportbude смотреть борьбу и бокс и стал там почетным посетителем. В один прекрасный день мне был выдан билет, печатный, большой, в качестве почетного гостя, по которому я на весь остаток жизни мог даром ходить смотреть борьбу и бокс и сидеть в первом ряду. Вот.

И это пришлось очень вовремя, потому что меня разоблачили. Те же самые наши друзья Ферейны Лельке: «Ну, что ты, дура, каждый день ему на трамвай даешь. Во-первых, 15 пфеннигов туда, 15 обратно. Но, кроме того, в Берлине продаются месячные, полугодовые и годовые билеты на определенный трамвай, на все трамваи берлинские вместе взятые, на трамвай с пересадкой на автобусы, на автобусы с пересадкой на трамваи и т. д. Одним словом, если взять годичный билет на все виды городского транспорта: метро, автобусы и трамваи, то обойдется тебе примерно в два раза дешевле того, что ты сейчас на трамвай даешь». Так и было сделано. Мне годичный билет купили трамвайный, прямой, почти от нашего дома до института. Но мне всегда в жизни везло, в общем. Когда разоблачили мои непоездки на трамвае, борцы и боксеры преподнесли мне почетный билет бесплатный. Ведь надо же, а?! Замечательно. Вот это была третья замечательная вещь в начале нашего переезда за границу. Так что, видите, все приятные вещи были, в общем и целом.

(Продолжение следует.)

Материал подготовлен М. В. РАДЗИШЕВСКОЙ